

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ В СВЕТЕ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В.Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, судья Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, член научно-консультативного совета при Высшем арбитражном суде Российской Федерации, Федеральном арбитражном суде Уральского округа
Пермский государственный университет. 614 990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: vg2009@yandex.ru

Рассматриваются законодательные особенности правового режима публичной собственности в Российской Федерации; содержится анализ правовых позиций Конституционного суда и Европейского суда по правам человека.

Обосновываются следующие выводы: установление легально допустимых особенностей правового статуса публично-правовых субъектов и правового режима государственной собственности при условии соблюдения прав и законных интересов контрагентов государства и иных публичных образований не противоречит Конституции Российской Федерации и соответствует правовым позициям Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека; действующее законодательство, устанавливающее по ряду позиций нераспространение сроков исковой давности на определенные требования государства по отношению к контрагентам государства, соответствует конституционной практике, правовым позициям Европейского суда по правам человека и национальной цивилистической доктрине.

Ключевые слова: государство; публично-правовые субъекты; исковая давности; правовые позиции Конституционного суда

Публично-правовая сущность государства не может не оказывать влияния на частноправовые отношения, субъектом которых выступает государство. О государстве традиционно говорят как об «особом» субъекте, обладающем достаточными особенностями. Именно в связи с этим сфера отношений государственной собственности традиционно признается именно той областью гражданского права, где в наибольшей степени переплетаются элементы публично-го и частноправового регулирования, что очень часто приводит к надуманному или, напротив, к реальному ограничению интересов частных субъектов гражданских правоотношений – контрагентов публично-правовых образований.

Необходимо отметить, что наличие особенностей правового статуса публичных субъектов, равно как и особенностей правового режима публичной собственности, были традиционно присущи отечественному законодательству.

Так, еще в Своде законов Российской Империи (далее – Свод), в в ст. 421 ч. 1 т. X было указано, что «от права частной собственности отличается право собственности государственной, состоящей в верховном обладании государственным имуществом, в пользовании и распоряжении оными», т.е. дореволюционный законодатель, регламентируя отношения государственной собственности в гражданском законе, признавал наличие такого собственника, как государство, а значит, и такого субъекта гражданского права. Кроме того, в п. 1 «Положения

о казенных подрядах и поставках» дореволюционный законодатель определил, что «...казна в производстве договоров подряда и поставки поступает единообразно на основании общих правил, кроме 1) случаев, которые изымаются из сего особым высочайшим повелением, 2) наймов, покупок и продаж, производимых хозяйственным распоряжением 3) казенных подрядов, по которым установлены особые правила».

Из приведенных выше цитат видно, что дореволюционное законодательство признавало наличие особенностей гражданско-правового статуса государства при его выступлении в гражданских правоотношениях.

Русские цивилисты, хотя и не придерживались единого мнения, указывали на то, что в фигуре государства как частнопровового субъекта самым тесным образом переплетаются публичные и частные элементы. «... все, представляющее государственное единство, существует бок о бок с частными, приватными элементами, непрерывно с ними соприкасается, и, действуя на них, само, в свою очередь, испытывает на себе их действие» [5].

Очевидно, что большинство цивилистов того времени признавали государство частнопрововым субъектом, указывая при этом, что такой субъект имеет определенные особенности своего статуса.

Таким образом, можно заключить, что русская дореволюционная цивилистическая доктрина признавала государство при его участия в гражданско-правовых отношениях юридическим лицом и называла его в этом качестве «казной». Но государство было особым юридическим лицом – «публичным» [9]. И хотя признание казны юридическим лицом распространяло на нее основные положения законодательства, касающиеся юридических лиц, но, как отмечал Н. Лазаревский, это не вытекает из самого существа государства, «казна – явление напрочь публичное». Поэтому «казна», выступая в гражданском обороте, хотя и подчиняется его общим нормам и формам, «все же должна быть признана субъектом привилегированным..., совокупность привилегий которого известна под именем "jus fisci"» [7, с. 100–101]. Однако, как отмечал

Д.И.Мейер, «по отношению к нашему (дореволюционному. – В.Г.) законодательству нельзя сказать, что казна пользуется какими-то резкими преимуществами» [7, с. 100]. Видимо, поэтому у цивилистов того времени «не было оснований не признавать казну юридическим лицом» [3].

Что касается советского периода, то известно, что государственная собственность тогда обладала целым рядом особенностей, позволяющих отличать ее от частной собственности граждан и юридических лиц по «степени обобществления» и «особенностям обобществляемого имущества» [4] и говорить, таким образом, о существовании государственной собственности как формы собственности.

Закрепление в законодательстве советского периода понятия «форма собственности» приводило к созданию в стране привилегированных условий для социалистической, прежде всего государственной, формы собственности. Так, на требования государственных организаций о возврате государственного имущества из незаконного владения колхозов и иных кооперативных и общественных организаций или граждан не распространялась исковая давность (ст. 17 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). Советское законодательство не знало института приобретательской давности: все заглавленное имущество находилось в собственности государства. Для государственного имущества было предусмотрено правило неограниченной реституции, т.е. государственное имущество, неправомерно отчужденное каким бы то ни было способом, могло быть истребовано от всякого приобретателя, в том числе и добросовестного (ст. 28 Основ). На имущество, принадлежащее государственным организациям, не могло быть обращено взыскание по долгам государственных организаций, оно также не могло быть предметом залога (ст. 22 Основ). Государственное имущество безвозмездно передавалось от одной государственной организации к другой вплоть до 1987 г. (ст. 22 Основ). Исключалась возможность существования общей собственности граждан и государства (ст. 26 Основ).

Очевидно, что речь шла о достаточно серьезных особенностях, но справедливости ради нужно отметить, что «форма права собственности» — понятие экономическое и что гражданский закон не должен различать «формы собственности» и создавать соответствующие им «формы права собственности», закрепляя юридически неравенство между различными собственниками. Невозможно не согласиться и с тем, что, «как показывает опыт, полностью отказаться от дифференциации собственности хотя бы на самое минимальное число групп (форм), равное двум, пока ни одному социально-экономическому типу общества, в том числе капиталистическому, не удавалось» [8].

Таким образом, думается, что невозможно игнорировать особенности государственной собственности как экономической категории (что проявляется, в частности, в особенностях государственной собственности как социально-экономического отношения, в особенностях присвоения в государственном секторе экономики, в особенностях государственной собственности как производственного отношения и т.д.). С учетом того, что, по наиболее распространенному мнению, отношения собственности выступают как «экономико-правовые» [2], как «единая экономико-юридическая категория» [1], очевидно, что эти особенности проявляются и в особых характеристиках права государственной собственности, в первую очередь в особенностях государства как собственника (особенностях субъекта) и, как следствие, в особенностях правового режима имущества, принадлежащего такому собственнику (особенностях объектов).

При этом, вне всякого сомнения, публичные собственники, в отличие от субъектов права частной собственности, имеют целью не только эффективное использование принадлежащей им собственности в имущественном обороте в своем интересе. Государству (и муниципалитетам) приходится решать судьбу публичного имущества исходя из потребностей экономического развития в целом, с учетом ряда общесоциальных факторов, что определяется необходимостью детально и по-особому регулировать в том числе процессы управления государственной собственностью.

Однако происходить это должно, как указывалось выше, не в рамках выделения норм, составляющих институт права публичной собственности в составе конституционно-правового регулирования, а в рамках закрепления особенностей правового регулирования отношений публичной собственности в нормах гражданского права и другого отраслевого законодательства в соответствии с положениями п. 2 ст. 124 Гражданского кодекса РФ с учетом общих принципов и подходов, сформулированных в том числе Европейским судом по правам человека.

Как указывалось выше, те или иные особенности правового режима публичной собственности могут устанавливаться как нормами непосредственно гражданского законодательства, так и нормами законодательства, имеющего иную отраслевую принадлежность.

Так, в частности, предметом достаточно оживленной дискуссии в теории и практической плоскости стали положения п. 4 ст. 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, ч. 6 ст. 5 Федерального закона от 26 апреля 2007 г. №63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» и ст. 116 Федерального закона от 19 декабря 2006 г. №238-ФЗ «О федеральном бюджете на 2007 год» в связи с поступившим в Конституционный суд Российской Федерации запросом Высшего арбитражного суда Российской Федерации и прилагаемые к нему материалы.

Пункт 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации содержит правило, согласно которому исковая давность, установленная гражданским законодательством Российской Федерации, не распространяется на требования Российской Федерации, возникшие в том числе в связи с предоставлением на возвратной и (или) возмездной основе бюджетных денежных средств, в том числе бюджетных кредитов за счет средств целевых иностранных кредитов (заимствований) и иных бюджетных

кредитов (ссуд), включая требования по уплате процентов и (или) иных платежей, предусмотренных законом и (или) договором (соглашением), в том числе требования о неосновательном обогащении и возмещении убытков.

А в соответствии с частью 6 статьи 5 Федерального закона от 26 апреля 2007 г. №63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации», упомянутый п. 4 ст. 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации применяется также к отношениям, возникшим до 1 января 2008 г.

Кроме того, законодатель в более поздний период закрепил в ст. 116 Федерального закона от 19 декабря 2006 г. №238-ФЗ «О федеральном бюджете на 2007 год» правило, в силу которого на требования Российской Федерации по обязательствам (включая требования по неосновательному обогащению и возмещению убытков) юридических лиц, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, возникшим в связи с привлечением Российской Федерацией целевых кредитов (заимствований) или предоставлением государственных кредитов (ссуд) за счет средств федерального бюджета и внебюджетных средств, в том числе по обязательствам целевого финансирования юридических лиц, условием предоставления которого являлась передача акций в собственность Российской Федерации, исковая давность, установленная гражданским законодательством Российской Федерации, не распространяется.

Таким образом, фактически предусмотрев в законодательстве нормы, устанавливающие нераспространение сроков исковой давности на ряд требований, кредитором по которым является Российская Федерация (п. 4 ст. 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации; ст. 116 Федерального закона от 19 декабря 2006 г. №238-ФЗ «О федеральном бюджете на 2007 год») и возможность придания вышеупомянутым нормам обратной силы (ч. 6 ст. 5 Федерального закона от 26 апреля 2007 г. №63-ФЗ «О

внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации»).

Некоторые комментаторы, анализируя упомянутые законодательные установления, пришли к выводу о нарушении в данном случае конституционно установленных правил о равенстве форм собственности.

Позволим себе не согласиться с подобным суждением. Полагаем, что нормы законодательства РФ, устанавливающие положение о нераспространении сроков исковой давности на ряд требований, кредитором по которым является Российская Федерация, применительно к рассматриваемому случаю в полной мере соответствуют требованиям Конституции Российской Федерации.

Как указывалось ранее, в случае, когда участником правоотношений является публично-правовое образование (в данном случае Российская Федерация), нормы права, рассчитанные на регулирование частноправовых отношений с традиционным субъектным составом (юридические и физические лица), не могут и не должны применяться без учета особенностей субъекта правоотношения. Особенности правового статуса публично-правовых образований существуют и не могут не учитываться при правоприменении.

Несмотря на обширную и неоконченную дискуссию о правовой природе отношений, возникающих в связи с бюджетным кредитованием и использованием средств бюджетов, и об отраслевой принадлежности применимых норм представляется целесообразным присоединиться к мнению о гражданско-правовой природе отношений, возникающих в связи с предоставлением юридическому лицу бюджетных средств на возвратной и возмездной основе (с чем согласился Конституционный суд Российской Федерации в определении от 10 марта 2005 г. №65-О по жалобе ОАО «Татсахпром» на нарушение конституционных прав и свобод п. 11 ст. 76 Бюджетного кодекса Российской Федерации) с той оговор-

кой, что особенности, связанные с гражданско-правовым статусом Российской Федерации, могут устанавливаться в том числе и в отношении сроков исковой давности.

Статьей 124 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что к государству и муниципальным образованияам в случае их участия в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в указанных отношениях, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов.

Статьей 208 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что исковая давность не распространяется на ряд требований, установленных в упомянутой статье, а также на иные требования в случаях, установленных законом.

Именно с учетом упомянутых положений Гражданского кодекса Российской Федерации, как представляется, и установлены в ст. 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации особенности исполнения денежных требований по обязательствам перед Российской Федерацией, к числу которых относится и упомянутое положение о том, что «...исковая давность, установленная гражданским законодательством Российской Федерации, не распространяется на требования Российской Федерации, возникшие: в связи с предоставлением на возвратной и (или) возмездной основе бюджетных денежных средств, в том числе бюджетных кредитов за счет средств целевых иностранных кредитов (заимствований) и иных бюджетных кредитов (ссуд), включая требования по уплате процентов и (или) иных платежей, предусмотренных законом и (или) договором (соглашением), в том числе требования о неосновательном обогащении и возмещении убытков; в связи с предоставлением и (или) исполнением Российской Федерацией государственных гарантий Российской Федерации; по обязательствам целевого финансирования юридических лиц, условием предоставления которого являлась передача акций в собственность Российской Федерации; из договоров и иных сделок об обеспечении исполнения указанных в настоящем пункте обязательств».

По этим же основаниям полагаем верным вывод о конституционности ранее действовавшей нормы ст. 116 Федерального закона от 19 декабря 2006 г. № 238-ФЗ «О федеральном бюджете на 2007 год».

Конституционный суд неоднократно справедливо отмечал, что «...из конституционных принципов правового государства, равенства и справедливости вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования (в частности, п. 4.1 постановления Конституционного суда РФ от 14 июля 2005 г. №8-П).

С учетом изложенного представляется, что упомянутые положения о нераспространении общих сроков исковой давности, установленных гражданским законодательством, на ряд требований, кредитором по которым является Российская Федерация отвечает упомянутым требованиям о ясности и недвусмысленности правовой нормы, сделаны в соответствии с диспозитивными установлениями, предусмотренными нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, в связи с чем указание на нарушения этих принципов при установлении упомянутых положений следует, по нашему мнению, полагать несостоятельными.

Таким образом, в данном случае законодатель достаточно определенно установил правоотношения, на которые не распространяются общие давностные сроки и при рассмотрении судами данных дел на основе изложенного должны применяться нормы законодательства об исковой давности, действующие на момент рассмотрения иска, т.е. до 1 января 2008 г. – ст. 208 Гражданского кодекса Российской Федерации и 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год», после 1 января 2008 г. – п. 4 ст. 93.4 Бюджетного кодекса с учетом содержащихся в них формулировок.

Также несостоятельными представляются суждения о недопустимости установления нормы о нераспространении сроков исковой давности в отношении ряда требований, кредитором по которым является Российская Федерация, по причине нарушения положений ст. 8 Конституции Россий-

ской Федерации о равенстве форм собственности.

Как указывалось выше, государство является особым субъектом правоотношений. Государство, выступая в качестве субъекта имущественных отношений, всегда будет иметь известные особенности статуса, поскольку, вступая в имущественные отношения, оно не перестает исполнять публичные функции, для реализации которых создано. Необходимость исполнения государством этих функций предопределяет установление законодателем особенностей его статуса.

В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В соответствии с пунктом 2 статьи 7 в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, устанавливаются государственные пенсии, пособия, иные гарантии социальной защиты.

Статья 39 Конституции Российской Федерации гарантирует гражданам социальное обеспечение путем выплаты государственных пенсий и социальных пособий по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, в иных случаях, установленных законом.

Статья 41 Конституции Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на медицинскую помощь, которая в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается бесплатно за счет средств, в частности, соответствующих бюджетов. Пункт 2 упомянутой статьи говорит о том, что в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения.

Статья 43 Конституции Российской Федерации гарантирует право на образование, устанавливая бесплатность дошкольного, основного общего среднего профессионального образования, высшего образования в государственных и муниципальных

образовательных учреждениях и на предприятиях.

Правовая позиция по вопросу о необходимости обеспечения указанных гарантий со стороны государства неоднократно высказывалась Конституционным судом Российской Федерации (постановление от 15 июля 1998 г. №18-П; постановление от 25 июня 2001 г. №9-П; определение от 16 декабря 1997 г. №20-П; определение от 13 апреля 2000 г.; определение от 10 октября 2002 г. №258-О; определение от 4 декабря 2003 г. №423-О; определение от 8 апреля 2004 г. №167-О и др).

В указанных нормах закреплен основополагающий принцип деятельности современного демократического социального государства: создание условий, обеспечивающих достойную жизнь гражданина, что является приоритетной задачей в первую очередь самого государства, которое должно предпринимать все возможные меры и создавать надлежащие условия, в том числе правовые, для должного исполнения своих функций. Государство должно осуществлять социальную политику, направленную на обеспечение закрепленных Конституцией Российской Федерации прав и свобод, обеспечивать оборону и безопасность государства, выполнять иные публичные функции.

Финансирование выполнения этих приоритетных задач осуществляется государством за счет средств бюджета Российской Федерации. Бюджет в соответствии с положениями ст. 6 Бюджетного кодекса РФ – это форма образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Государство не имеет иного источника для финансирования исполнения публичных функций.

На указанное обстоятельство также неоднократно указывал Конституционный суд Российской Федерации, говоря о том, что эффективное выполнение государством возложенных на него публичных функций, в том числе связанных с гарантированием и защитой прав и свобод граждан, с необходимостью предполагает должный уровень их материально-финансовой обеспеченно-

сти посредством образования и использования публично-правовых фондов денежных средств – бюджетов (постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2005 г. №8-П и др.).

Отметим при этом, что само по себе установление особенностей исполнения денежных требований по обязательствам перед Российской Федерацией относится к дискреционным полномочиям федерального законодателя в области регулирования сроков для обращения в суд, которые, как неоднократно указывал Конституционный суд Российской Федерации, могут быть не только изменены им, но и отменены (определения от 14 декабря 1999 г. №220-О, от 3 октября 2006 г. №439-О, от 15 июля 2008 г. №563-О-О, от 24 июня 2008 г. № 64-О-О).

Исходя из предназначения федерального бюджета как материальной основы реализации конституционных функций публичной власти, в том числе функций социального правового государства (ст. 1, 2, 7 и 18 Конституции Российской Федерации), законодатель вправе определить не только порядок правомерного использования бюджетных средств, но и меры их повышенной охраны и защиты.

Таким образом, дополнительные меры защиты средств федерального бюджета, – поскольку такие меры обусловлены объективной спецификой соответствующего объекта публичной собственности направлены на поддержание экономического суверенитета государства и надлежащих финансовых условий для эффективного обеспечения органами государственной власти прав и свобод человека и гражданина на всей территории Российской Федерации и при этом не посягают на основное содержание конституционных прав субъектов экономической деятельности – не могут рассматриваться как несовместимые с требованиями ст. 8 (ч. 2) Конституции Российской Федерации.

Конституционный суд справедливо отмечал также, что контрагент Российской Федерации, заключая соответствующий договор с агентом Правительства, добровольно становится участником публично значимой функции по обеспечению государственной финансовой поддержки организаций агропромышленного комплекса путем их

льготного кредитования и, будучи стороной соответствующего договора, согласен с особыми условиями предоставления бюджетных средств (определение Конституционного суда РФ от 19 мая 2009 г. №596-О-О).

При этом необходимо особо отметить, что в соответствии с упомянутыми положениями законодательства Российской Федерации особенности исчисления давностных сроков могут признаваться законно и справедливо установленными только в отношении требований, кредитором по которым является непосредственно Российская Федерация, выступающая в гражданском обороте в лице своих органов в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов (п. 1 ст. 125 Гражданского кодекса Российской Федерации) или в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 125 Гражданского кодекса Российской Федерации, когда в порядке, предусмотренном федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации по специальному поручению публично-правовых образований от их имени могут выступать также юридические лица и граждане.

В отношении же тех или иных организаций, осуществляющих самостоятельную деятельность, в том числе использующих бюджетные средства, установление упомянутых особенностей не может считаться законным, поскольку упомянутые выше особенности касаются только Российской Федерации как непосредственного участника гражданских правоотношений, а также случаев использования бюджетных средств за счет которых производится исполнение соответствующих договоров.

Установление тех исключительных особенностей, о которых говорилось выше, возможно в отношении только указанных субъектов. Понятий «публичное юридическое лицо», «публичная организация» действующее гражданское законодательство не содержит, и вышесказанное к тем или иным разновидностям юридических лиц (в том числе использующих в своей коммерческой деятельности бюджетные средства) не относится. Таким образом, установление упомя-

нутых особенностей в отношении любого другого субъекта правоотношений, кроме Российской Федерации не будет соответствовать положениям Конституции Российской Федерации.

На основании изложенного следует заключить, что установление в ст. 93.4 Бюджетного кодекса и в ст. 116 Федерального закона от 19 декабря 2006 г. №238-ФЗ «О федеральном бюджете на 2007 год» исключения из общих правил гражданского законодательства о давностных сроках, произведенное в соответствии с положениями ст. 124, 125, 208 Гражданского кодекса Российской Федерации, на основе требований о ясности и недвусмысленности правовой нормы и с учетом особого статуса государства как субъекта имущественных отношений, предопределенного необходимостью осуществления последним публичных функций, что может осуществляться исключительно за счет средств бюджета, представляется законным и соответствующим требованиям Конституции Российской Федерации.

При этом особо отметим, что положений ч. 6 ст. 5 Федерального закона от 26 апреля 2007 г. №63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации», согласно которой п. 4 ст. 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации применяется также к отношениям, возникшим до 1 января 2008 г. и оценки их соответствия Конституции Российской Федерации в части возможности predания обратной силы нормам о нераспространении исковой давности на поименованные требования Российской Федерации, полагаем, что данные нормы не могут быть признаны соответствующими Конституции в той части, в которой в силу упомянутых норм п. 4 ст. 93.4 Бюджетного кодекса, который вступил в силу с 1 января 2008 г., стал применяться к правоотношениям, к которым на момент их заключения применялся трехлетний срок исковой давности, и к тем, в отношении которых на момент вступления в силу упомянутого Феде-

рального закона уже истек трехлетний давностный срок.

Положения о нераспространении исковой давности на требования Российской Федерации не может применяться к тем требованиям, сроки давности по которым истекли до вступления в силу упомянутых норм закона. Это положение полностью отвечает принципу определенности и ясности правовой нормы, иное свидетельствовало бы об обратном, о чем неоднократно указывал в своих делах Европейский суд по правам человека. В частности, справедливой представляется в данном случае ссылка на практику Европейского суда по правам человека (дело «Брониовски против Польши» (постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека от 22 июня 2004 г.) в части установления о том, что нормативно-правовые акты должны позволять частному лицу прогнозировать, насколько реализация этих актов затронет его правовое положение в конкретных ситуациях.

В заключение хотелось бы отметить, что установление тех или иных особенностей правового статуса публичных субъектов и правового режима государственной собственности соответствует отечественной цивилистической традиции и конституционным установлениям о равенстве форм собственности, но применяться должно в исключительных случаях и с соблюдением общепринятых международных стандартов, что позволит избежать нарушение прав и законных интересов контрагентов государства.

Библиографический список

1. *Братусь С.Н.* О соотношении социалистической собственности и права оперативного управления // Сов. государство и право. 1986. № 3. С. 21.
2. *Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. Т. 1. С. 479.*
3. *Гринкевич А.П.* Правовое положение казны по законодательству Российской империи и в настоящее время // Сов. государство и право. 1993. №5. С. 76.

4. *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений. Л., 1988. С. 51.
5. *Кавелин К.Д.* Что есть гражданское право и где его пределы // Собр. соч. Т. 4. Этнография и правоведение / прим. проф. Д.А. Корсакова. СПб., 1900. С. 775.
6. *Лазаревский Н.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905. С. 122.
7. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право / под ред. А.И.Вицына. СПб., 1897.
8. *Мозолин В.П.* Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике. М., 1992. С. 19–23.
9. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1911. С. 122.

***LEGISLATIVE SPECIFICS OF THE PUBLIC DOMAIN LEGAL REGIME
IN RUSSIAN CIVIL LAW AS SEEN THROUGH THE COURT PRACTICE
OF THE RUSSIAN FEDERATION CONSTITUTIONAL COURT
AND THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS***

V. Golubtsov

Perm State University. 15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: vg2009@yandex.ru

The article is devoted to the legislative specificity of the legal regime of public property in the Russian Federation and to the analysis of the legal position of the Constitutional court and of the Human Rights Court of Europe.

The author proves that establishing lawful particularities of legal status of public subjects and regime of government property with particular purposes in case of following rights and legitimate interests of counteracting parties of the State and other public entities does not contravene the Constitution of the Russian Federation and corresponds to legal proposition of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Human Rights Court of Europe.

The article concludes that there is relevance of applicable law establishing in some cases non-extension of the limitation period for certain demands of the State toward the counteracting parties of the State, to constitutional practice of legal positions of the Human Rights Court of Europe and the national civil theory.

Keywords: state; public subjects; limitation period; legal proposition; constitutional court